

11. Kazakov E.F. Dusha russkoy kul'tury: k opredeleniyu ponyatiya [The soul of Russian culture: to the definition of the concept]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2018, no. 4, pp. 51-63. (In Russ.).
12. Radishchev A. *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu [Travel from St. Petersburg to Moscow]*. Moscow, Eksmo Publ., 2019. 224 p. (In Russ.).
13. Raushenbakh B.V. *Prostranstvennye postroeniya v drevnerusskoy zhivopisi [Spatial construction in Old Russian painting]*. Moscow, Pal'mira Publ., 2009. 300 p. (In Russ.).
14. Toynbi A.D. *Postizhenie istorii [A study of history]*. Moscow, Ayris-Press Publ., 2010. 640 p. (In Russ.).
15. Fedotov G. *Svyatye Drevney Rusi [Saints of Ancient Russia]*. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1990. 272 p. (In Russ.).
16. Florenskiy P. *Ikonostas [Iconostasis]*. Moscow, Azbuka Publ., 2013. 224 p. (In Russ.).
17. Chernyshevskiy N.G. *Antropologicheskii printsip v filosofii [Anthropological principle in philosophy]*. Moscow, Direkt-Media Publ., 2008. 63 p. (In Russ.).
18. Shpengler O. *Zakat Evropy [The Decline of Europe]*. Moscow, Popurri Publ., 2009, vol. 2. 704 p. (In Russ.).

УДК 32.019.5, 321.8

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

Лепешев Дмитрий Владимирович, заместитель проректора по научной работе и международному сотрудничеству, Кокшетауский университет имени Абая Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан). E-mail: lepeshev75@inbox.ru

Евразийская идентичность является фундаментальной основой евразийского объединения стран в единое содружество. Вопрос «евразийства» берет начало с момента формирования древних цивилизаций, но наиболее ярко эта политика выражена в РФ. Понятие евразийской идентичности охватывает не только географическое расположение стран, но и исторические предпосылки, а также культурное наследие и политические институты.

На рубеже XXI века вопросы цивилизационной и национальной идентичностей приобрели особую остроту. Если в предшествующий период – эволюции Советского Союза – эта тема даже в теоретическом плане носила предельно абстрактный и формальный характер, то с его распадом значительно изменился взгляд на актуальность существующих угроз и многообразие их измерений. Процессы глобализации и модернизации оказывают воздействие на ценностные ориентиры молодежи. Разрыв традиций и преемственности поколений, обусловленный глобальными и локальными социокультурными процессами, является причиной дезинтеграционных тенденций. Устойчивость и стабильность государств, политических систем уже не кажутся самоочевидными. Необходимо серьезное обоснование и обеспечение устойчивости в развитии современной государственности. Однако имеются и позитивные тенденции, современный быстроменяющийся мир характеризуется разнонаправленными, порой диаметрально противоположными друг другу тенденциями, и среди позитивных моментов современности нельзя не отметить интенсивный диалог культур, многие страны мира стремятся к консолидации сил для решения глобальных проблем. На этом поле смыслов евразийство имеет конкурентные преимущества как концепт, объединяющий разнородные социокультурные общности в единую наднациональную общность.

На постсоветском пространстве формируются политические нации и национально-государственные идентичности, которые, однако, испытывают сильную конкуренцию со стороны этнонациональных идентичностей. Это предопределяет важность поиска новой наднациональной идентичности как противовеса к этнонационализму. Такой наднациональной идентичностью на постсоветском пространстве может стать цивилизационная идентичность. В научном дискурсе в понимании цивилизационной иден-

тичности доминируют конструктивистский и эссенциалистский подходы, которые являются односторонними и поэтому эвристически недостаточными. В статье в рамках конструктивного реализма рассматривается вопрос о возможности формирования цивилизационной идентичности, которая является результатом информационного воздействия и культурной актуализации.

Цель исследования заключается в том, чтобы выяснить сущность евразийской идентичности, ее соотношение с национальной идентичностью и направления ее перспективного формирования. В статье предложены образовательные практики для реализации политики евразийства.

Ключевые слова: цивилизация, групповая идентичность, евразийская идентичность, геополитика, нация, интеграция, европейская идентичность, глобализация, «евразийство», ценности.

IDENTITY OF EURASIAN CIVILIZATIONAL IDENTITY: THE CONCEPT DEFINITION

Lepeshev Dmitriy Vladimirovich, Deputy Vice-Rector for Research and International Cooperation, Abay Myrzakhetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan). E-mail: lepeshev75@inbox.ru

We formulate the problematics in general terms and its connection with important tasks.

The analysis of recent publications related to this problem allows us to state the research problem: in the 21st century, a civilizational approach to analyzing the functioning of various types of human communities – countries, states, unions, blocs, etc. – got a new breath. The purpose of the study is to clarify the essence of the Eurasian identity, its relationship with national identity and the direction of its long-term formation. To achieve this goal, it is necessary to turn to the wide scientific context of the theory of systems and analyze the main approaches to the analysis of social processes mentioned earlier.

We have found that there are no universal criteria for belonging to civilizational communities, it is obvious that these criteria should have a purely ideological, that is, more arbitrary character.

This arbitrariness is manifested in:

a) absence of a system of this kind of criteria (that is, instead of a system, we have a set of attributes that can be arbitrarily quantitatively increased or decreased)

b) arbitrary nature of the main feature of civilizational affiliation. The formation of the Eurasian identity in particular may include the following tasks:

- public opinion research on the interest of Russian citizens in joining the Eurasian Union;
- implementation of a comprehensive educational program designed to acquaint with the activities, structure and functions of all common Eurasian organizations and institutions;
- cultivation of the Eurasian values, norms and principles of domestic political and social life;
- conducting the broad campaign for students aimed at explaining the advantages and the need for integration into the Eurasian community;
- organization of a coordinated long-term “Eurasian advertising campaign” in order to accustom the society to the benefits and inevitability of integration.

Keywords: civilization, group identity, Eurasian identity, geopolitics, nation, integration, European identity, globalization, “Eurasianism,” values.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Интеграционные процессы в Европе поставили на повестку дня проблему формирования новой идентичности – евразийской, которая является основой евразийского объединения, важной составляющей интеграции отдельных стран в единое содружество [10]. Отсутствие по-

литических притязаний вряд ли будет мешать интеграции, а недостаточно сформированная евразийская идентичность будет еще долго оставаться стоп-сигналом на нашем пути к общему осознанию целостности [7].

Базовым положением рассуждений является то, что идентичность – временный, относительный, незавершенный конструкт, который имеет

онтологический статус проекта или постулата. Под идентичностью понимают процесс, через который социальный элемент узнает себя и конструирует смыслы, главным образом, на основе определенного культурного свойства или совокупности свойств, кроме широкой соотнесенности с другими социальными структурами [2]. Евразийская идентичность, как и национальная идентичность, когда ее прививает государство, – это направленная сверху вниз институционально созданная идентичность, предназначенная способствовать связям солидарности среди разнообразного населения, но, вместе с тем, это в большей степени проект на будущее, чем реальность нынешнего состояния вещей [4; 9].

Традиционные модели могут быть применены учеными к проекции на человечество, общество, цивилизацию [1]. Таких моделей две: европейская и евразийская. Разница в том, что представители каждой модели по-разному воспринимают основные структурные элементы цивилизационной идентичности: закон, семью, собственность, государство, свободу, религию [8]. На основании методологического наследия конструктивистов, евразийскую идентичность можно рассматривать как конструируемый феномен. Из этого следует, что 1) существуют цели, для достижения которых евразийская идентичность создается; 2) евразийская идентичность предстает как результат реализации евразийской элитой политики идентичности [5]. Идентичность возникает из серии ситуативных политических, культурных и других событий и меняется тоже ситуативно. Маркеры идентичности подвижны, они оговариваются множеством факторов: географией культурных ареалов, историческими границами социополитических образований, маргинализацией или национализацией общества, трансформациями в любом элементе социокультурной системы [10]. Идентичность является своеобразным инструментом для распознавания и структурирования реальности во времени и пространстве, расстановки в ней акцентов и восстановления определенности. Речь идет об определенности, скорее, процедурной, чем содержательной (определенность маркировки, названия людей, вещей и отношений легализованным или согласованным именем).

Групповая идентичность каждого уровня (особенно – территориальная: национального, ре-

гионального, локального уровней) содержит три компонента: когнитивный, эмоционально-аффективный и инструментальный. Когнитивный компонент представляет собой набор объективных и устойчивых признаков, с которыми отождествляют себя индивид и общество, процесс и результат самокатегоризации – понимание человеком себя в терминах соотношения с определенной социальной группой. Эмоционально-аффективный компонент выступает субъективным способом восприятия и обоснованием когнитивного компонента. Речь идет об определенном наборе эмоций относительно своей территориальной общины. Инструментальный (поведенческо-регулятивный) компонент составляет основу для социально-политической мобилизации населения и коллективной деятельности. Он проявляется в разных формах: от готовности разделять практики, принятые в сообществе, до обязательств совершать поступки с учетом ценностей, которые разделяет данная группа. Именно инструментальный компонент идентичности, развитие которого становится возможным только на основе двух первых, формирует политическую культуру определенной территориальной общины. Обобщая и развивая изложенное, третий компонент идентичности можно толковать как таковой, что формирует «круг», поддержание идентичности: идентичность является группой символов и значений, полученных в результате участия в общественных интеракциях [8]. Она оказывает существенное влияние на общественную организацию коллективности, в которых участвует личность, и связывается с представлениями о границах общественных групп, подлежит постоянной интерпретации в процессе предоставления, поддержания и изменения значений культурных символов, которые влияют на представление самого себя, своего сообщества и других [7]. Следовательно, она может подвергаться воздействию извне, формироваться постепенно, сперва благодаря участию в общественных интеракциях, которые организуются вокруг новых культурных символов, реинтерпретируются индивидом и постепенно становятся составной частью когнитивного, а затем – эмоционально-аффективного компонентов идентичности, которые, в свою очередь, влияют на развитие инструментального компонента, закрепляя содержание новых культурных символов, предложенных извне, в политической культу-

ре определенной территориальной общины [1]. В начале XX века констатировали форму коллективного сознания европейских общин. Было отмечено, что над европейскими народами стремится образоваться спонтанным движением евразийское общество, которое имеет отныне определенное самосознание и начальную организацию [3]. Если создание единого человеческого сообщества невозможно (что, однако, не доказано), то, тем не менее, формирование такого общества в бесконечной перспективе приближает нас к цели [6]. В последнее десятилетие XX века эта проблема стала еще более актуальной. Концепт «евразийская идентичность» прочно вошел в мировой научный оборот и политический этос. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, после развала бывшей социалистической системы практически все европейские страны выразили желание принадлежать к евразийскому содружеству народов и продолжить вместе двигаться к единой цели. Во-вторых, политические процессы объединения встретили довольно вялую поддержку населения крупных стран, и никаких всплесков энтузиазма по поводу европейского братства не зарегистрировано. В-третьих, начал все чаще возникать вопрос, есть ли в европейском единстве другие основания, кроме экономических [8].

Анализ последних исследований и публикаций, в которых изучается решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных частей общей проблемы, которым посвящается данная статья. В XXI веке цивилизационный подход к анализу функционирования различного типа человеческих сообществ – стран, государств, союзов, блоков и т. д. – получил новое дыхание. Особенно это заметно в постсоциалистических странах, находящихся в состоянии изменения многих характеристик идентичности [1; 8]. Поэтому существует проблема анализа этих характеристик с точки зрения названного подхода и обобщения результатов рассмотрения таким образом, чтобы выработать основы для корректного употребления цивилизационной терминологии в исследовании процессов, происходящих и в выяснении ключевого вопроса о возможности цивилизационного выбора России как аналога «универсального» измерения более локальной национальной идентичности. Наиболее общий вывод, который напра-

шивается, это необходимость поставить вопрос: «В каком качестве функционирует концепт “цивилизации”?»». И очевидным будет вывод о недифференцированности академического, геополитического и идеологического употребления цивилизационной риторики. Насыщенность сообщений о цивилизационной специфике РФ на фоне противоречивых отношений ветвей власти позволяет утверждать, что в чистом виде научное и идеологическое использование цивилизационной терминологии в публичном пространстве почти не употребляется [3; 7]. Активные процессы глобализации, при которой происходит формирование новых механизмов культуросозидания, новой иерархии локальных культур [8]. Процессы, в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных элементов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности, активно влияют на процесс становления целостности цивилизации. Процесс, который создает транснациональные социальные связи и пространства, обесценивает локальные культуры и способствует возникновению третьей культуры [7]. Существуют различные подходы к определению евразийской идентичности. Некоторые рассматривают ее как набор ценностей демократии и гражданского общества, что коренятся в христианстве [10]. Для других евразийская идентичность – это мощное выражение цели, что признается многими европейцами, которые после столетий войны признали свою ответственность за свой собственный континент [5]. Дается разносторонняя характеристика евразийской идентичности. Во-первых, она рассматривается как общность судьбы, зависимость народов материка друг от друга в общем строительстве мирного континентального порядка. Во-вторых, евразийская идентичность проявляется в общности ценностей, берущих начало в классической древности, христианстве, Ренессансе и Просвещении, и основана на толерантности, гуманизме и братстве, признании фундаментальных прав человека и норм права, которые внедрены в общих принципах, подтверждающих волю индивидуальной и социальной ответственности. В-третьих, евразийская идентичность проявляется как общность жизненного пространства, в котором развивается евразийское гражданство, согласно которому все

граждане во всех государствах-членах имеют одни и те же права и обязанности. В-четвертых, евразийская идентичность означает создание политической, экономической и социальной общины. В-пятых, евразийская идентичность проявляется в специфической ответственности: только через сотрудничество, сплоченность и единство эффективно решать собственные и мировые проблемы расхождения в евразийском поле безответственности, которая может привести к хаосу [4]. Классическим случаем использования этого критерия может служить концепция и идеология «евразийства», в которой идентичность России определяется ее географическим положением – «срединным» по отношению к Европе и Азии. Не вдаваясь в историю евразийства и в детали их доктрины (это требует специального исследования), отметим основные противоречия, которые возникают в использовании этого критерия. Во-первых, существует некая нечеткость понимания форм сосуществования «Европы» и «Азии» в новом цивилизационном объединении под названием «Евразия». Двусмысленность этой символической «срединности» заключается в том, что она может скрывать как конъюнктивную формулу «и Европа, и Азия», так и дизъюнктивную – «ни Европа, ни Азия». Согласно первой формуле, «европейская» линия идентичности России была представлена российскими западниками (начиная с Петра Первого) и большевиками, в то время как линия «азиатская» – наследием монголо-татар, которое прочно вошло как культурный фермент в русскую культуру [8]. Вторая формула ярко выражена в качестве «лимитрофного», окраинного характера русской цивилизации: Россия – наследница Великих Ханов, продолжательница дела Чингиза и Тимура, объединение Азии; Россия – часть особого «окраинно-приморского» мира, носительница углубленной культурной традиции. В ней сочетается одновременно исторически «оседлая» и «степная» стихии. Необходимо отметить, что в обоих случаях Россия исторически и культурно оказывается ближе к Азии, чем к Европе [6; 8]. Во-вторых, остается непонятным, каким образом в евразийстве сочетается культурный слой наследия Чингисхана с православной и общеславянской идентичностью России. Кроме традиций авторитарной государственности, отсутствие другой объединительной культурной

платформы делает задачу сочетания православных и «туранских» элементов в евразийской цивилизации нереальной к организации и реализации [1; 8]. Поэтому данный вопрос в рамках евразийской парадигмы остается без ответа. Евразийство не является единственным примером применения географического критерия определения цивилизационной идентичности содружества (которому задним числом приписывается «цивилизационная» функция). Например, во французской культурной традиции распространена идея «Средиземноморской цивилизации» и, соответственно, средиземноморской цивилизационной идентичности. Кроме фактора географического, в этой цивилизационной модели присутствует историческая предпосылка генетической связи с античной Грецией и Древним Римом [1; 2]. Единство евразийцев не должно быть преувеличено. К настоящему времени глобальные системы уже объединили всю планету в беспрецедентной степени. Эта глобализация ускорилась после распада социалистических режимов [9; 5]. Евразийскую перспективу продвигали российские политические и интеллектуальные элиты с начала 1990-х годов, когда впервые евразийская идея была серьезно рассмотрена российским руководством в качестве элемента идентичности и как политический проект, способный объединить многокультурное население России в отсутствие коммунистической идеологии СССР [1; 7]. Евразийская теория далеко не повсеместно распространена в России или в любых других государствах-членах ЕАЭС. В России существуют две угрозы евразийскому интеграционному проекту: с одной стороны, есть проевропейская либеральная интеллигенция, которая рассматривает этот процесс как необоснованную попытку вновь навязать гегемонию России в регионе. С другой стороны, есть количественно более значимые русские «патриоты», рост которых может быть расценен как результат возрождения русского национализма, вызванного пропагандой правительства [4]. Идея Евразии всегда была популярна среди элит, но только в последние 15 лет она стала почти официальной идеологией, какой бы неоднородной и противоречивой она ни была [6]. Из этих предварительных наблюдений следует, что концепция с этими пространственно-временными демаркационными линиями отнюдь не очевидна ни в при-

роде, ни в истории. Нынешний этап истории России может быть определен как «Евразийская Россия», особенно в той мере, в какой нынешняя внешняя политика страны, по-видимому, подкреплена – если не полностью обусловлена – готовностью принять эпохальную тенденцию, ориентирующую ее развитие. Такого рода «явная судьба» зависит от разрыва между Востоком и Западом, который постоянно характеризовал самобытность страны, а также политическую повестку дня ее лидеров [8]. Эти мощные противостоящие усилия часто приводили к амбициям по определенному «русскому пути», более или менее последовательно сочетаясь с евразийской перспективой, наделяя Россию ролью моста между западноевропейской и восточной культурами [3]. Можно с полным основанием утверждать, что тема цивилизационного евразийства была модной среди нескольких поколений историков. В настоящее время она актуализирована в текстовое послание как более локальная и узнаваемая альтернатива проекту общеевропейской цивилизационной идентичности [2].

Формулирование целей статьи (постановка задач). Цель исследования заключается в том, чтобы выяснить сущность евразийской идентичности, ее соотношение с национальной идентичностью и направления ее перспективного формирования. Для достижения этой цели необходимо, прежде всего, обратиться к широкому научному контексту теории систем и проанализировать с этих позиций основные подходы к анализу общественных процессов, упомянутых ранее. В самом общем виде признаком образования-системы (любого уровня организации – неживого, живого или социального) является отсутствие реализации ее свойств как целого по совокупности свойств ее составляющих – элементов. Система всегда «больше суммы» своих элементов, свойства системы – другие, чем «просуммированные» свойства ее элементов. Системные отношения порождают новое качество, не присущее одной составной части и их совокупности. Если система неравновесная, дифференцированная на разнокачественные составляющие, то элементы внутри нее взаимодействуют друг с другом через процессы обмена – веществом, энергией, информацией. Причем вещественный и энергетический обмены являются фактически разновидностями обменов

информационных, а именно таких, при которых информация неразрывно «занесена» в структуру носителя. Неуравновешенность системы обеспечена ее открытостью – взаимодействием с окружающей средой.

На сегодняшний день сложилось несколько основных подходов к оценке этого сложного социального явления и его места в жизни Европы. Одни отрицают право на существование евразийской идентичности, апеллируя к силе национально-политического элемента и выдвигая как основную национально-государственную идентичность народов материка. Другие говорят о возникновении постнационального евразийского пространства, о концепциях «Единой Европы» или «Европы регионов», в которых, наоборот, на первое место выдвигается евразийская идентичность или евразийского региона идентичность и теряется значение национально-государственной идентичности, что вызывает сопротивление национально-сознательного гражданства европейских стран, которое не видит в этом обществе собственной национальной принадлежности. Существует и третий, наиболее оптимальный подход к проблеме евразийской идентичности, предусматривающий органичное сочетание двух разных идентичностей – национально-государственной и транснациональной (евразийской). Проблема евразийской идентичности в контексте интеграционных процессов конца XX – начала XXI века не означает, что население Европы теряет свою национально-государственную идентичность, которую оно имело до сих пор. Отмечено, что в течение евразийской истории существовали различные модели перехода общества от культурного разнообразия к политическому, но только тогда, когда у людей не было другого выбора, они с внутренним сопротивлением выбирали ту или иную идентичность. В условиях современной интеграции неизбежно будут храниться двойная и множественная идентичности: Евразийский союз будет функционировать только в том случае, если люди официально и публично смогут чувствовать себя гражданами своих государств, имеющих длительную историю развития и принадлежность к какой-то культуре. Будущей надеждой такого союза остается развитие на этой основе еще одной, евразийской, идентичности [2; 7]. Важную роль в развитии евразийской политической идентично-

сти играют культурное наследие и исторические традиции, поэтому Европа должна быть осознана как идейно-единая сущность. Однако евразийская идентичность будет утверждаться не только через духовное родство, но и через отрицание (из-за различия между ними) [4]. Поскольку европейская идентичность имеет объективные основания, она, с одной стороны, не устанавливается как доминанта над национальными державами или евразийским содружеством, а с другой – требует от них активного действия и сотрудничества в формировании и развитии. Этническое начало, религия и история, конечно, важные характеристики для образования евразийской идентичности. Однако на этой стадии процесса евразийской интеграции главный вопрос заключается в следующем: что мы хотим делать вместе? Ответ зависит от понимания того, как мы будем реагировать на вызовы сегодняшнего мира. Это не академический вопрос, а вопрос выживания. Идентичность служит изменениям. Она не является чем-то «статическим», данным на все времена, а потому формирование европейской идентичности не является спонтанным и стихийным процессом. Большим соблазном является попытка искать идентичность в структуре Европейского союза, его учреждениях, инструкциях и тому подобное. Но евразийская союзная идентичность зависит от политического начала – Евразийского союза и государств-членов: вклад в формирование евразийской идентичности должны делать как надгосударственные евразийские структуры, так и национальные государства, являясь участниками интеграционного процесса. В нынешних исторических условиях их действия могут быть импульсом развития европейской союзной идентичности, также как тысячи семинаров и многочисленные торжественные декларации политических деятелей [4; 8]. Наряду с укреплением экономического уровня рабочих и созданием единых политических институтов в границах объединенной Европы, для формирования и развития евразийской идентичности нужна последующая демократизация общества как на национальном, так и на общеевропейском уровнях. Ограничиваться уже достигнутым не должны ни новые, ни «старые» члены евразийского сообщества. Гражданам нужно дать шанс принимать более активное участие в процессе евразийского объединения. И процедуры принятия решений, и

политика европейских институций должны быть более прозрачными. Все локальные сообщества требуют большей информированности о важных предложениях, о реформах на раннем этапе, чтобы участвовать в единых дебатах по актуальным вопросам.

Выводы и перспективы дальнейших исследований в данном направлении. В настоящее время отсутствуют какие-либо общеобязательные критерии принадлежности к цивилизационным общинам, очевидно, что эти критерии должны иметь сугубо идеологический, то есть более произвольный характер. Указанная произвольность проявляется в:

- а) отсутствии системы подобного рода критериев (то есть вместо системы мы имеем набор признаков, которые можно произвольно количественно увеличивать или уменьшать);
- б) произвольном и «плавающим» характере основного признака цивилизационной принадлежности (то есть в зависимости от конъюнктурных задач даже в одной идеологии этот признак может изменяться).

Таким образом, можно утверждать, что в настоящее время для решения задач формирования национальной и наднациональной идентичности перспективно заниматься поисками объективных цивилизационных основ такого рода идентичности, но в дальнейшем необходимо перейти от такого рода поисков к осознанному цивилизационному конструированию. Для того чтобы процесс конструирования был методологически последовательным, необходимо обобщить все цивилизационные признаки и критерии, произвести их суммирование в соответствии с нормами евразийского общества. Важную роль в формировании евразийской идентичности в последнее время играет система связей государственных учреждений и европейских институтов с общественностью. На наш взгляд, может быть предложена специальная государственная программа PR-обеспечения евразийской интеграции вообще и формирования евразийской идентичности в частности. Она может включать следующие задачи:

- исследование общественного мнения относительно заинтересованности граждан РФ во вхождении в Евразийский союз;
- осуществление комплексной просветительской программы, предназначенной знакомить

с деятельностью, структурой и функциями всех общеевразийских организаций и институций;

- культивирование евразийских ценностей, норм и принципов внутривосточной и социальной жизни, которые имеют значение для интеграции РФ в евразийское общество;

- проведение широкой кампании для учеников школ и студентов (с подготовкой специальной литературы), нацеленной на объяснение преимуществ и необходимости интеграции в евразийское сообщество;

- организация скоординированной долгосрочной «рекламной евразийской кампании» с целью подготовить общество к интеграции.

Важную роль в формировании чувства евразийской идентичности играет система образования. Главными задачами в этой области должны стать: евразийство самой системы образования, развитие системы билингвизма, расширение прямых связей между учебными заведениями разного уровня евразийских стран; разработка совместных образовательных программ с культурным и

образовательным обменами учащихся и студентов; проведение совместных образовательно-культурных мероприятий (олимпиад, соревнований, конкурсов); выработка государственной политики обучения студентов и специалистов в странах материка с целью аккумуляции конкурентоспособного интеллектуального потенциала нации.

Интеграционные процессы обусловили формирование евразийской идентичности, которая является фундаментом для евразийского объединения, важной предпосылкой включения отдельных стран в евразийское содружество и сопровождается интеграционными процессами на внутреннем, социально-психологическом уровне. Будет большой ошибкой недооценивать значение социально-психологических факторов интеграции, ведь евразийская экономика нуждается в инновациях в социально-политической и культурной среде, а также в формировании образа евразийского гражданина, то есть человека, который чувствует себя частью евразийского мира.

Литература

1. Иванов А. В., Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Шишин М. Ю. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. – Барнаул: АГАУ, 2017. – 246 с.
2. Пахомова Ю. Н., Павленко Ю. В. Цивилизационная структура современного мира. Цивилизации востока в условиях глобализации. Кн. II. – Киев: Наукова думка, 2018. – 640 с.
3. Попкова Ю. В. Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация. – Новосибирск: Нонпарель, 2016. – 449 с.
4. Савицкий П. Степь и оседлость // Классика геополитики XX век: сб. / сост. К. Королев. – М.: АСТ, 2015. – С. 688–699.
5. Салгириев А. Р. Структура политической элиты в полиэтничных республиках Северного Кавказа // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Политология. – 2015. – № 2. – С. 83–89.
6. Трубецкой Н. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Классика геополитики XX века: сб. / сост. К. Королев. – М.: АСТ, 2017. – С. 144–226.
7. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – N.Y.: Simon and Shuster, 2016. – 368 p.
8. Kim S.J. Eurasian Studies: A Critical Review. Paper presented at the conference “Eurasianism and National Identities in the Post-Soviet Era”. – Seoul, Korea, June 18-19, 2017.
9. Korostelina K.V. Social Identity and Conflict: Structure, Dynamics and Implications. – NY: Palgrave Macmillan, 2017.
10. Titarenko M. Eurasianism: A Paradigm for Coexistence and Flourishing Diversity of Cultures and Civilizations. Paper presented at the conference “Eurasianism and National Identities in the Post-Soviet Era”. – Seoul, Korea, June 18-19, 2019.

References

1. Ivanov A.V., Popkov Yu.V., Tyugashev E.A., Shishin M.Yu. *Evraziystvo: klyuchevye idei, tsennosti, politicheskie prioritety [Eurasianism: key ideas, values, political priorities]*. Barnaul, AGAU Publ., 2017. 246 p. (In Russ.).
2. Pakhomova Yu.N., Pavlenko Yu.V. *Tsivilizatsionnaya struktura sovremennogo mira. Tsivilizatsii vostoka v usloviyakh globalizatsii. Kniga II [Civilization structure of the modern world. Civilization of the East in the context of globalization. Book II]*. Kiev, Naukova dumka Publ., 2018. 640 p. (In Russ.).

3. Popkova Yu.V. *Evraziyskiy mir: tsennosti, konstanty, samoorganizatsiya [Eurasian world: values, constants, self-organization]*. Novosibirsk, Nonparel' Publ., 2016. 449 p. (In Russ.).
4. Savitskiy P. Step' i osedlost' [Steppe and Settlement]. *Klassika geopolitiki XX vek [Classic geopolitics of the twentieth century]*. Moscow, AST Publ., 2015, pp. 688-699. (In Russ.).
5. Salgiriev A.R. Struktura politicheskoy elity v polietnichnykh respublikakh Severnogo Kavkaza [The structure of the political elite in the polyethnic republics of the North Caucasus]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science]*, 2015, no. 2, pp. 83-89. (In Russ.).
6. Trubetskoy N. Vzglyad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka [A look at Russian history not from the West, but from the East]. *Klassika geopolitiki XX veka [Classic geopolitics of the twentieth century]*. Moscow, AST Publ., 2015, pp. 144-226. (In Russ.).
7. Huntington S. *The Clash of Civilizations and The Remaking of World Order*. New-York, Simon and Shuster Publ., 2016. 368 p. (In Engl.).
8. Kim S.J. *Eurasian Studies: A Critical Review. Paper presented at the conference "Eurasianness and National Identities in the Post-Soviet Era"*. Seoul, Korea, June 18-19, 2017. (In Engl.).
9. Korostelina K.V. *Social Identity and Conflict: Structure, Dynamic and Implications*. New-York, Palgrave Macmillan Publ., 2017. (In Engl.).
10. Titarenko M. *Eurasianism: A Paradigm for Coexistence and Flourishing Diversity of Cultures and Civilizations. Paper presented at the conference "Eurasianness and National Identities in the Post-Soviet Era"*. Seoul, Korea, June 18-19, 2019. (In Engl.).

УДК 008.001

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ФЕНОМЕНА ПОЖАРА: МЕЖДУ ПРИРОДОЙ И КУЛЬТУРОЙ

Блинова София Анатольевна, аспирант кафедры культурологии и социологии, Челябинский государственный институт культуры (г. Челябинск, РФ). E-mail: murre@mail.ru

Человечество сталкивается с пожарами на протяжении всей своей истории. Борьба и взаимодействие с огненной стихией – один из значимых этапов не только антропогенеза, но также и культурогенеза. Использование огня, первым источником которого стал, вероятнее всего, природный пожар, позволило получить нашему виду значительное эволюционное преимущество, что, несомненно, в дальнейшем нашло свое отражение в культуре. Пожар как составляющая целостного концепта огня и в то же время его первоисточник связан с разнообразными культурами и верованиями.

Длительное время пожар исследовался исключительно как явление природы и физико-химический процесс в естественно-научной сфере, не получив достаточно разработки в социально-гуманитарном знании.

В статье отражен анализ ряда определений термина «пожар» с учетом их исторической динамики. Данный анализ позволил выявить смысловую основу существующих определений. Это процесс горения и потенциальный ущерб, который данное явление может принести обществу. Подобное восприятие отличается одномерностью и концентрирует внимание исключительно на негативных коннотациях данного феномена – его разрушительной, деструктивной составляющей. Такой подход лишает исследователей возможности проникнуть в сущность феномена пожара, выйти за пределы его естественной природы.

Термину пожар часто сопутствуют близкие по смыслу понятия, такие как «сожжение», «горение», «поджог» и т. д. Граница между терминами «огонь», «сожжение», «горение» и, собственно, «пожар» весьма условна и пролегает через призму человеческой оценки.